

Глава 128. Не хотят признавать

Цзян Тан тоже очнулся.

Нет, точнее сказать, сознание к нему вернулось, но глаза он так и не смог открыть.

Он чувствовал, что Фу Линцзюнь держит его на руках, слышал снаружи гомон множества заклинателей, и всё же по-настоящему проснуться не мог.

Его захлестнула необычайно тяжёлая сонливость. Цзян Тан ясно ощущал, как что-то вытягивает из него силы, и те исчезают слишком быстро. Похоже, именно с этим странным ощущением и было связано то, что он никак не мог очнуться.

Чёрт, теперь у него не только почки ни к чёрту, у него вообще всё ни к чёрту!

Изначальное духовное пламя Фу Линцзюня непрерывно вливалось в его тело, но сколько входило, столько же и утекало обратно, так что пользы почти не было.

Цзян Тан этого не видел, но лицо Фу Линцзюня становилось всё мрачнее. Сам он поддался этой волне сонливости и не удержался, снова ненадолго уснул.

Заклинатели один за другим зашептались о пришедшем в себя Фу Линцзюне. От страха они говорили очень тихо, но для людей с острым слухом такие голоса вовсе не были тихими. Они стрекотали без умолку, накатывали слой за слоем, и от этого начинала раскалываться голова.

Фу Линцзюнь, однако, вовсе не думал о том, что они говорят.

Он сосредоточенно вливал в тело Цзян Тана огромные потоки духовной силы и духовного пламени, словно был отделён от всего этого шумного мира.

Недостаточно.

Совсем недостаточно.

Ни духовная сила, ни духовное пламя уже не могли остановить утечку жизненной силы из тела Цзян Тана. На лбу Фу Линцзюня медленно выступил тонкий слой пота, бледные пальцы едва заметно задрожали.

— Хозяин... — Сян Син чувствовал, как духовная сила в теле Фу Линцзюня исчезает с пугающей скоростью, и смутно тревожился. — Дальше... так... нельзя.

Фу Линцзюнь словно и не слышал его.

И даже потом, когда ярко пылавшее изначально духовное пламя почти иссякло, Фу Линцзюнь уже перестал думать о чём бы то ни было. Он без колебаний вытащил из тела Цзян Тана весь огонь жизни, принадлежавший заклинателям, и превратил его в раскалённый клубок пламени, взметнувшийся и запылавший в воздухе.

Он хотел силой обратить его на пользу Цзян Тану и влить в его тело.

— Эй, погоди! — заклинатели за дверью узнали огонь жизни, которым воспользовался Фу Линцзюнь, и лица у всех до одного исказились от потрясения. — Это же наш огонь жизни! Фу Шэн что, решил взять его и вот так просто использовать?

— Ладно бы он не возвращал его, но как он смеет так губить наш огонь жизни?!

— Цзян Чаньюань уже мёртв, так с какой стати он нам его не отдаёт? Давайте скорее что-нибудь придумаем, ещё немного — и будет поздно!

— И что тут можно придумать?

— Он ослаб! Вдруг мы ещё сможем с ним справиться?

Стоило этим словам прозвучать, как в сердцах тех заклинателей, которых Хуай Шоусинь и Е Чжэнвэнь прежде собрали, чтобы найти Фу Линцзюня и помочь ему, смутно поднялся порыв воспользоваться моментом, пока один уже мёртв, а другой ранен, и силой отобрать назад свой огонь жизни.

Хуай Чэнъинь стоял ближе остальных. До этого он ещё разглядывал незнакомый белый комочек в руках Фу Линцзюня и лежащую на земле знакомую одежду молодого господина Цзяна, смутно чувствуя во всём этом что-то странное. Но стоило ему услышать эти бесстыдные перешёптывания, как в нём тут же вспыхнул гнев, который он уже не смог подавить.

— Чего вы так всполошились? — Хуай Чэнъинь, скрестив руки на груди, развернулся к толпе заклинателей. — Ладно бы Фу-гунцзы уже использовал огонь жизни, но ведь он ещё даже этого не сделал. А даже если бы и сделал — ну и что? Кто убил Цзян Чаньюаня? Кто спас всех вас? Будь Цзян Чаньюань ещё жив, вы бы не то что огонь жизни потеряли — вы бы сами уже были мертвы!

— Кто знает, на что он пустит наш огонь жизни? Вдруг станет с его помощью возвращать какую-нибудь демоническую мерзость? — один из заклинателей, глядя, как его собственный огонь жизни оказался в руках Фу Линцзюня, всё сильнее паниковал и уже говорил, не думая. — В те годы он ведь...

Не договорив, этот заклинатель вдруг встретился взглядом с Фу Линцзюнем.

Сквозь толпу на него смотрели глаза, острые как лезвие, и смотрели так, будто перед ними был шумный муравей.

Этот бесстрашный, ледяной и полный презрения взгляд скользнул по нему, и заклинатель невольно втянул голову в плечи, отводя глаза.

Он тут же умолк.

Лица у всех остальных заклинателей тоже стали очень нехорошими.

Они чувствовали, что их намертво прижали угрозой, и всё же не могли вырваться из-под этого гнёта.

Разумеется, огонь жизни не мог спасти Цзян Тана, чья жизненная сила продолжала утекать. Фу Линцзюнь не хотел больше терять здесь ни мгновения. Он прокусил палец и начертил в воздухе кровавый символ.

В тот самый миг, как символ возник, он тут же исчез, обратившись в необычную силу, которая влилась в великий массив, удерживавший всех в области Цянькунь.

На глазах у всех упругая световая завеса, покрывавшая область Цянькунь, начала стремительно таять.

Фу Линцзюнь поднялся, прижимая к себе так и не проснувшегося Цзян Тана, и выдернул меч Шифо из уже окончательно остывшего тела Хэ Сюаньцина.

Меч Шифо уже успел пожрать все ускользавшие остатки души Цзян Чаньюаня. В тот миг, когда его вытащили, разлагающееся тело выдохнуло струйку мутного воздуха, похожую на лёгкий вздох перед окончательным сном.

Фу Линцзюнь повернул голову и бросил Сян Сину лишь одно:

— Жди меня здесь.

После этого он прямо по воздуху устремился к повреждённой части великого массива области Цянькунь.

Исправить эту испорченную часть было и трудно, и легко одновременно. Изначально Фу Линцзюнь сам намеренно повредил её, а рядом с массивом осталось бессчётное количество

высокорангового духовного песка для починки формаций. Он с предельной скоростью восстановил телепортационный массив области Цянькунь и почти без остановки сразу же направился в область Усян на Восточном Древесном континенте.

На всех пяти континентах действовал запрет на полёты. Но в этот день в области Усян появился наглец, осмелившийся нарушить это правило и пролететь прямо по воздуху.

— Кто это?! — всем было известно, что парить в воздухе могут лишь святые. А немногочисленные святые, какие ещё оставались в Люхэ, во-первых, все были людьми очень законопослушными, а во-вторых, хорошо известными всем в лицо. Так что при виде этого незнакомца, которого с первого взгляда не удавалось узнать и который вдобавок выглядел так заметно, догонявшие его стражи области с каждым мигом всё сильнее тревожились.

— Чёрный тяжёлый меч... — один из стражей вдруг о чём-то догадался и тут же остановил остальных. — Не преследуйте его!

Он понял, кто такой Фу Линцзюнь, и немедленно отправил об этом вест владыке области Усян.

Владыкой области Усян как раз был тот самый неудачник, что приехал в область Цянькунь поглазеть на суматоху, а в итоге Сян Син отделал его железной цепью до кровавого мяса.

Получив это духовное послание, он потемнел лицом: как же так вышло, что куда бы он ни сунулся, от проклятия по имени Фу Линцзюнь ему всё равно не уйти?

Сам же Фу Линцзюнь в это время на предельной скорости мчался в первую лекарскую секту Люхэ — Хуаньюнь.

Он никогда прежде не имел дела с сектой Хуаньюнь, но в мире зеркальных цветов и водяной луны уже бесчисленное множество раз входил туда и выходил.

Мир, созданный Цзян Чаньюанем, по природе своей воспроизводил всё до мелочей, и потому, когда Фу Линцзюнь по карте секты Хуаньюнь из мира зеркальных цветов и водяной луны тайком пробрался внутрь, ни один лекарь не заметил его присутствия.

Даже Му Фаньюань, который как раз в это время занимался изготовлением пилюль.

Он был полностью сосредоточен на варке лекарства и лишь смутно почувствовал внезапно возникшее в воздухе давление. Когда он открыл глаза и увидел перед собой неожиданно возникшее лицо, рука его дёрнулась так сильно, что он едва не испортил целый котёл пилюль.

— Я знаю, что у тебя есть семь пилюль Небесного Восполнения, — человек напротив смотрел на него сверху вниз. — Одолжи мне их.

Му Фаньюань: «...» Ну да, сказал так, будто взятое взаймы и вправду можно потом вернуть.

— Кто тебе об этом сказал? — об этой вещи в Люхэ знало крайне мало людей. Самое большее, что кто-то мог вытянуть это из разговоров, когда Янь Цунси и Цзян Чаньюань приезжали в Хуаньюнь лечить свои раны. Но если подумать, ни один из них не был похож на человека, который станет болтать об этом повсюду. В конце концов, такое лекарство, способное против воли Небес продлить жизнь, любой захотел бы выпросить себе про запас на чёрный день.

Фу Линцзюнь не удостоил его лишних объяснений. Одной рукой он выхватил меч Шифо и поднёс его лезвие к горлу Му Фаньюаня:

— Отдай.

Му Фаньюань уже очень давно не сталкивался с тем, чтобы ему вот так угрожали.

Он опустил взгляд на острое лезвие, почти касавшееся его шеи, потом задумчиво скользнул глазами к белоснежному комочку в руках Фу Линцзюня и с улыбкой произнёс:

— Пилюли Небесного Восполнения я тебе дам. Но благому зверю, лишившемуся кости судьбы, всё равно нужно вернуть эту кость, иначе долго он не проживёт.

Лицо Фу Линцзюня изменилось.

— Так это ты спас того пропавшего благого зверя из префектуры Цзэян, — Му Фаньюань и не думал, что ему угрожают. Он сидел, выпрямив спину, совершенно спокойно. — Убери меч. Если будешь тянуть дальше, он умрёт, разве не так?

Тяжёлый меч, упирившийся ему в шею, медленно отодвинулся.

Глядя на настороженное выражение лица Фу Линцзюня, Му Фаньюань не удержался от улыбки:

— О благом звере не знает никто. Просто один из лекарей нашей секты был тяжело ранен, и, когда я заглянул в его душу, случайно увидел тот эпизод. Держи. Всего у меня семь пилюль Небесного Восполнения, по одной на день. Если за семь дней ты не найдёшь его кость судьбы, тогда и я уже буду бессилен.

Фу Линцзюнь принял изящный белый нефритовый флакон и открыл его. Внутри лежали семь круглых пилюль.

Он высыпал одну на ладонь, внимательно осмотрел, потом слегка надкусил и, лишь убедившись, что всё в порядке, разжал Цзян Тану рот и вложил туда пилюлю Небесного

Восполнения.

По мере того как пилюля Небесного Восполнения понемногу растворялась у Цзян Тана во рту и входила в его спящее тело, Цзян Тан тоже очнулся из того состояния полной бесчувственности и вновь обрёл сознание.

Ему трудно было описать своё нынешнее состояние. Казалось, нечто невидимое нажало на паузу внутри его тела. И на силу, которая прежде утекала без остановки, и на всё остальное.

Глаза он всё равно открыть не мог.

Цзян Тан весь лежал у Фу Линцзюня на руках, и всё снова стало как в самом начале: великий босс шёл по сюжету, а он беззаботно плыл рядом. Только теперь к этому примешалась тревога за самого себя: вдруг он так и не проснётся, вдруг тело будет становиться всё хуже и хуже, вдруг однажды просто отбросит коньки, и он уже ничего не почувствует...

Вот уж и правда: сидит пёс и зря тревожится, что небо рухнет.

После того как область Цянькунь распечатали, духовные послания, подавляемые несколько дней, будто мстя за задержку, с бешеной скоростью разлетелись по всему Люхэ.

Самой взрывной новостью среди них, разумеется, были события вокруг Цзян Чанъюаня и Фу Шэна.

Заклинатели, вернувшиеся в Цяньцяо, тоже не удержались и начали пересказывать случившееся своим знакомым.

— Этот Фу Шэн, конечно, хорош... схватил наш огонь жизни и тут же ушёл, — так говорили те, кто всё ещё таил обиду.

— Да помолчи ты. Тот парень из рода Хуай был прав: по крайней мере, Цзян Чанъюань мёртв, а мы все живы, — так говорили те, кто уже сумел всё принять.

— Ну и ладно, что огонь жизни пропал. Всё лучше, чем если бы он и дальше держал нас на нём под угрозой.

Но если находились люди мирные и смирившиеся, то, разумеется, находились и те, кто упрямо лез в тупик:

— С чего вы взяли, что он не использует наш огонь жизни для какого-нибудь зла? Это же Фу Шэн — безумный великий демон, который убивал родных и друзей! Да разве есть что-то, на что он не способен?

Были и те, кто резко переметнулся на другую сторону:

— Не говорите так. Разве вы не слышали, о чём глава Янь спросил Цзян Чаньюаня перед смертью? Если всё это и правда было устроено Цзян Чаньюанем, тогда самым большим пострадавшим всё это время был как раз Фу Шэн...

Именно этого многие заклинатели и не хотели признавать.

Хотя Янь Цунси прямо сказал, что Цзян Чаньюань строил козни против самого Фу Юэбая и Фу Шэна и даже подбросил Сун Юнчжэну Благовоние Пылающей Души, большая часть заклинателей всё равно не желала с этим соглашаться и упорно избегала даже мысли о такой возможности.

Потому что, признай они это, всё, что они делали прежде, тут же превратилось бы в посмешище.

Они не хотели становиться посмешищем.

<http://bllate.org/book/17032/1723216>